
AD MEMORIAM

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВИЧА РОГОВА (1951-2001)

15 июля 2001 года после тяжелой, внезапной и недолгой болезни ушел из жизни научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН Евгений Яковлевич Рогов.

Его смерть была неожиданной и глубоко потрясла всех, кто хотя бы отдаленно был с ним знаком.

Евгений Яковлевич был удивительно светлым и обаятельным человеком. В его характере гармонично сочетались такие обычно трудносоединимые черты, как доброта и снисходительность к людям и неизменная строгость к себе, доброжелательность и мягкость в общении и умение занимать и отстаивать принципиальные позиции, способность идти на разумные компромиссы, учитывать мнение окружающих и всегда иметь свое собственное, быть «несгибаемым» при решении важных вопросов. Как многие внешне открытые, неизменно ровные в общении люди, он обладал очень сильным характером и огромным запасом природного мужества – мы не можем вспомнить, чтобы, попав в сложную, порой в прямом смысле слова опасную ситуацию, он хоть раз не то чтобы впал в панику, но даже повысил голос. Многие, кому довелось с ним работать, прекрасно помнят, как быстро, решительно и смело он умел действовать, не боясь принимать на себя всю полноту ответственности. Все это давалось огромным напряжением внутренних сил – Евгений Яковлевич был человеком тонким, чутким, наблюдательным, наделенным богатым воображением.

Однако знавшие его люди лучше всего, наверное, будут помнить его улыбку и то, как хорошо и искренне он умел смеяться. Подобно многим людям, которым довелось многое пе-

режить, он прекрасно умел различать и ценить светлые стороны и светлые мгновения жизни и радоваться им всей душой.

Чувство юмора у Жени было феноменальным, реакция – стремительной, он всегда был душой компании, порой казалось, что его искрометная веселость бьет через край, заражая всех. Он прекрасно рассказывал смешные истории, в особенности те, которые произошли с ним самим. Дни археолога в экспедициях обычно не обходятся без выступления «художественной самодеятельности». В Тарханкутской экспедиции, где он проработал много лет, на День археолога часто готовились не просто юмористические представления, но даже оперы и балеты. Лучшим чтецом, певцом и танцором, конечно, был Женя.

Многие археологи любят петь, любил это и Евгений Яковлевич. Отдавая должное специфическому археологическому репертуару, он знал и прекрасно исполнял бардовские и русские народные песни. Среди последних предпочитал не самые веселые – «Окрасился месяц багрянцем», «По Муромской дороженьке стояли три сосны», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина». На это были свои причины.

Жизнь Евгения Яковлевича на всем ее протяжении – с момента рождения и до последнего дня – складывалась непросто, а порой и драматично. Есть такие «трудные» судьбы, когда каждый шаг, каждое движение вперед даются с незаслуженно большими издержками. То общее выражение, с которым Евгений Рогов следовал выпавшему ему жизненному пути, лучше всего можно определить как присущее ему одному веселое достоинство.

Евгений Яковлевич Рогов родился 28 мая 1951 года в г. Чудово Новгородской обл. Здесь, на железнодорожной станции Чудово Октябрьской железной дороги, работала старшим стрелочником его мать, Мария Ивановна Рогова, воспитавшая сына. Из-за тяжелого материального положения семьи Женя рано пошел работать, первым его рабочим местом был тарный цех на фабрике «Пролетарское знамя» в родном городе, куда он устроился склотчиком тары. Забегая вперед, скажем, что с этого времени началась его трудовая биография: в дальнейшем, уже в годы его обучения в Ленинградском Университете, в его трудовой книжке значатся такие профессии, как кровельщик, плотник, кочегар, дворник, уборщик...

В 1969 г. Е.Я. Рогов, окончив вечернюю школу, поступил на вечернее отделение исторического факультета ЛГУ, на кафедру археологии. Его обучение было на время прервано срочной службой в рядах вооруженных сил. Он служил на Черноморском флоте, матросом на одном из судов. Вскоре после демобилизации и возобновления учебы он женился на своей сокурснице Любе, родился старший сын Иван... В эти же годы произошло и еще одно знаменательное событие, во многом определившее его творческую судьбу.

В 1971 г. Е.Я. Рогов впервые был включен в состав Тарханкутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством А.Н. Щеглова, работавшей в северо-западном Крыму, на хоре Херсонеса Таврического. Эта экспедиция, проводившая раскопки поселения и некрополя Панское, многие годы была настоящей «школой кадров» для археологов-античников благодаря высокому научному и методическому уровню проводимых раскопок и царившей здесь особой атмосфере. Там можно было и многому научиться, и применить на деле уже имевшиеся навыки и знания. Работа и общение в Тарханкутской экспедиции были в равной степени интересны, увлекательны и полезны. За годы ее работы здесь трудились такие теперь уже сложившиеся исследователи, как О.Ю. Соколова, Л.Б. Кирчо, Е.В. Бобровская, С.Ю. Монахов, А.Ю. Алексеев, В.Ф. Столба, О.В. Шаров, С.В. Кашаев и многие, многие другие.

В течение целого ряда лет Е.Я. Рогов возглавлял курганный отряд Тарханкутской экспедиции. А.Н. Щеглов стал его научным руководителем, а херсонесская проблематика – ведущей составляющей в сфере его профессиональных интересов. К материалам, полученным

в результате многолетних исследований некрополя Панское, он обращался постоянно на протяжении всей дальнейшей жизни – они рассматривались в его курсовых и дипломных работах, а позже были положены в основу его кандидатской диссертации. В 1975 г. Е.Я. Рогов, в то время еще студент, стал одним из авторов информации о раскопках на Панском в ежегоднике «Археологические открытия».

Авторы этих строк не без гордости могут вспомнить, что первые попытки самостоятельного осмысления древней истории Северного Причерноморья они предпринимали вместе с Женей. Началось это на студенческом семинаре под руководством А.Н. Щеглова, потом продолжалось в беседах за чашкой кофе и т.п. Разговоры вылились в написание совместных статей, одну из которых – «Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов» – написанную вскоре после окончания ЛГУ, Евгений Яковлевич всегда считал нашей удачей.

После окончания Университета в 1976 г. Е.Я. Рогов несколько месяцев проработал лаборантом в Азовском музее, затем стал лаборантом ЛОИА, работая по договорам. В 1978 г. он был переведен в постоянный штат Института на должность старшего лаборанта. В этой скромной должности, по странной иронии судьбы, ему довелось проработать много лет. Между тем объем выполняемых им работ рос с каждым годом. Ширился круг экспедиций, в которых он принимал активное участие. Кроме Тарханкутской, в которой Е.Я. Рогов продолжал регулярно работать до 1987 г., к их числу относятся Каахкинская (1979-1984), где несколько лет он был заместителем начальника экспедиции, и Южно-Донская (1981-1985).

Евгений Яковлевич был блестящим полевиком. О его работе в поле, в экспедициях, ходят легенды. Ему «неформально» (помимо тех случаев, когда его авторство официально зафиксировано) принадлежит целый ряд ярких археологических открытий. Одно из самых интересных – боспорская колония на скифском Елизаветовском поселении в дельте Дона. Он первый выявил на этом памятнике фрагмент греческой застройки, «отстоял» его в жестком споре с К.К. Марченко, убедил последнего начать изучение этих загадочных тогда строительных остатков...

В 1987 г. старший лаборант Е.Я. Рогов становится начальником Нижне-Бугской экспедиции ЛОИА, «держателем» собственного Открытого листа. По этому поводу специально

обращались в Полевой комитет киевского Института археологии, дававшего разрешения на археологические раскопки на территории Украины. Зная о высокой квалификации Е.Я. Рогова, киевские коллеги в виде исключения выдали Открытый лист на имя лаборанта. Нижне-Бугская экспедиция в течение нескольких сезонов проводила исследования сельскохозяйственных поселений Ольвийской хоры; под руководством Е.Я. Рогова исследовался целый ряд памятников, в том числе было полностью раскопано поселение Козырка XII.

Сложившаяся ситуация, парадоксальная даже для нашего Института, вызвала справедливое беспокойство его непосредственных начальников, сначала А.Я. Щетенко, возглавлявшего существовавшую в то время Лабораторию камеральной обработки материалов, позже – Ю.В. Андреева. Вот отрывок из характеристики, написанной А.Я. Щетенко к переаттестации сотрудников Института в 1989 г.: «Должность, которую занимает Е.Я. Рогов, не соответствует научному потенциалу, который им накоплен; первый долг администрации ликвидировать это несоответствие». А вот выдержка из докладной записки А.Я. Щетенко, датированной 1991 г.: «Е.Я. Рогов... выполняет объем работ, значительно превосходящий все лаборантские нормы. Еще на переаттестации 1986 г. поднимался вопрос о переводе Е.Я. Рогова на должность младшего научного сотрудника. Полагаю, что это следует сделать на этой аттестации, а также увеличить надбавку к его должностному окладу». Однако все по-прежнему оставалось без изменений.

Младшим научным сотрудником Е.Я. Рогов стал лишь в 1992 г., когда после расформирования Лаборатории камеральной обработки он был переведен в Отдел истории античной культуры. Теперь о его дальнейшем продвижении по служебной лестнице стал беспокоиться Ю.В. Андреев, возглавлявший в те годы Отдел. Вот что он писал в «представлении» для аттестации сотрудников, проходившей в 1993 г.: «Е.Я. Рогов является автором более 30 печатных работ, за последние пять лет им опубликовано 14 статей и заметок. Он участвует в работе конференций и совещаний по античной тематике... Им подготовлено к защите диссертационное исследование по теме: «Некрополь Панское и его место среди некрополей Северного Причерноморья». На основании вышеизложенного, прошу аттестовать Е.Я. Рогова и перевести его на должность научного сотрудника, так как он не отвечает занимаемой должности».

Однако лишь в конце 1997 г. Е.Я. Рогов был переведен на должность научного сотрудника 11 разряда.

В 1998 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, давно им подготовленную, защита которой многократно откладывалась по формальной причине – из-за провала на экзамене по истории марксистско-ленинской философии.

Последние годы своей жизни Е.Я. Рогов прожил удивительно активно, интересно и плодотворно. Складывается впечатление, что в своем ярком творческом развитии он «вышел на новый виток», что настала пора максимальной реализации огромного потенциала его личности. Сфера приложения его творческих сил была необычайно широка, включая в себя научную и экспедиционную деятельность, самые разнообразные организационные задачи... Он удивительно много писал; по рассказам его родных и близких, каждую свободную минуту стремился провести за компьютером. Им была подготовлена к публикации монография, посвященная некрополю поселения Панское 1, начата книга о знаменитом херсонесском склепе 1012, постоянно готовились и сдавались в печать статьи, которые будут продолжать выходить уже после его смерти...

Всю свою жизнь Евгений Яковлевич посвятил бескорыстному служению науке и, прежде всего, изучению античных древностей Северного Причерноморья – Херсонеса, Ольвии и Боспора Киммерийского. Он всегда уделял большое внимание варварским влияниям на античную культуру региона, прекрасно их ощущая, «вычлняя» и интерпретируя все их проявления. Вместе с тем Женя сохранял в душе почти детский восторг перед «светлым храмом» классической древности. Он мог подолгу любоваться, по его словам, «дивными» росписями краснофигурных ваз или, казалось бы, обыкновенными терракотовыми статуэтками. При осмотре музейных экспозиций он с трудом отрывался от лицезрения архаических курсов и кор. Во время посещения Афинского Акрополя в 1996 г., по его признанию, у него дрожали колени, «хотелось пасть ниц перед творениями человеческого гения».

В последние годы он много выступал с докладами на самые разные темы – складывалось впечатление, что ему постоянно хочется делиться с коллегами результатами своей работы. Даже на праздновании своего 50-летия в Отделе истории античной культуры ИИМК, проходившем 1 июня 2001 г., он попросил слова для научного выступления и сделал прекрасный

доклад об интерпретации водоема, открытого при исследовании Херсонеса.

В числе экспедиций, в которых он принимал участие в последние годы, нельзя не упомянуть работы на Тамани, где он руководил исследованиями античных поселений Артюшенко-2 и Вышестеблиевская-11 на хоре древней Гермонассы. Именно он осознал назревшую необходимость для питерских археологов начать полевые работы на территории Краснодарского края, его организаторским способностям мы обязаны тем, что эти работы были начаты и имеют хорошие перспективы для дальнейшего развития.

Его действия в поле, на раскопках, всегда были вдохновенны и артистичны. Было захватывающе интересно следить за тем, как он «читает» памятник. Его археологическая квалификация в последние годы высоко ценилась и нашими иностранными коллегами. Несколько сезонов Е.Я. Рогов проработал на хоре своего любимого Херсонеса в качестве полевого директора экспедиции в рамках проекта «Археологический парк на Гераклеяском полуострове», организованной Техасским Университетом (США), успешно сотрудничал на Тамани с немецкими учеными из Археологического центра при Вестфальском Университете (г. Мюнстер, Германия). Он задумал написать книгу о методах полевых исследований в современной классической археологии, где собирался показать, как успешно можно сочетать метод исследования «археологическими контекстами», распространенный сейчас на Западе, с достижениями отечественной науки, прежде всего, с ме-

тодом работы «большими площадями». Жаль, что и это будет сделано уже не им, одним из лучших российских полеводов.

Он был очень деятельным, открытым и контактным человеком, сознававшим, что настало время работать не только для себя, но и для других, понимал, насколько важна сейчас деятельность, направленная на объединение творческих усилий – и в масштабах нашего Отдела, и в рамках античной археологии в целом. У него всегда было чутье на «живые», нужные дела. Говоря о делах такого плана, невозможно не вспомнить, например, конференцию «Боспорский феномен», организации которой он уделял много времени и внимания и участвовал в заседаниях, оживляя их докладами, выступлениями, блеском глаз и улыбкой, вовремя сказанными меткими и веселыми словами.

К сожалению, словами невозможно передать ни бесконечное обаяние личности Евгения Яковлевича Рогова, ни боль постигшей нас утраты. Вскоре после его ухода из жизни, когда спонтанно в разговоре возник вопрос, можно ли назвать его счастливым человеком, один из хорошо знавших его людей сказал: «Я думаю, что да – у него были прекрасная семья, любимое дело и хорошие друзья».

Хочется верить, что это так. Нам радостно, что нам выпало счастье знать этого человека, многие годы проработать с ним рядом. Нам бесконечно горько, что его больше нет с нами. Написанные строки дались нам с большим трудом, многие из них рождались со слезами на глазах.

М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов